

Комната, выбранная Ралакосом для встречи, слишком сильно напоминала камеру, в которой я был заключен несколько месяцев назад. Фактический промежуток времени было трудно определить из-за перезагрузки, казалось, что прошло гораздо больше времени, чем это было на самом деле.

В свете недавно открывшейся ситуации я задал Ралакосу ряд вопросов и получил ряд показательных ответов, хотя на что они указывали, я пока не мог сказать точно.

Люди с демонической кровью встречались крайне редко и почти всегда были бесплодны. Инферналы ответвились от демонов так давно, что больше не были биологически совместимы, а даже если бы и были, большинство инферналов не стали бы рассматривать такой союз из-за моральных устоев. В их глазах от этого было лишь полшага до скотоложства.

Фактическое происхождение Персефоны было неизвестно, кроме того факта, что она была наполовину асмодиалом. Кто бы ни бросил ее изначально, он так и не удосужился заявить о ней.

Самым загадочным был последний ответ. Не было никаких записей о наличии у Персефоны ребенка. Бюрократия Анклава не была слишком строгой в плане сбора переписи, но фиолетовые дети были исключением. Из-за более высокого уровня силы, более высокого потенциала и, соответственно, возможной более высокой угрозы, фиолетовых инфернальных детей проверяли при рождении и регистрировали их возможное родство с элементами.

Ралакос устроил охрану. Хотя он по-прежнему держался, как обычно, уверенно и спокойно, можно было понять, что факт жестокого нападения на меня так близко от Анклава беспокоит его.

Яркая боль в моей руке уменьшилась до тупой пульсации. Не сомневаюсь, что она вернется, как только я вытащу ее из льда, но пока это была приятная передышка. Нужно было выкинуть это воспоминание из головы. Каждый раз, когда я думал об этом, во мне вспыхивал гнев, а последнее, что сейчас требовалось, это потерять самообладание. Необходимо меньше думать о произошедшем со мной, а больше о том, почему это вообще случилось.

Но это было слишком близко к сердцу.

Нужна другая точка зрения. Поэтому, как и раньше, я создал для себя персонажа, в которого мог бы вселиться. Только на этот раз это был не эльф-слуга. Это был я. Более жестокая, более злобная версия меня, которой было всё равно, что сделала Персефона, только то, что она не смогла этого сделать, создав тем самым брешь.

Я изо всех сил старалась не замечать того факта, что роль, исполняемая мной, была очень близка к той, которую всегда хотел видеть во мне отец.

Отстраненными глазами я наблюдал через иллюзорное изображение, вызванное Ралакосом,

как люди Ралакоса ведут Персефону в комнату для допроса. Она согласилась сопровождать их без борьбы. Она шла с легкой уверенностью, близкой к самодовольству. Как будто уже знала, каким будет конечный результат.

Эрдос вошел в комнату и начал ее допрашивать. Это было цивилизованно по сравнению с теми допросами, которые проводил мой отец, и гораздо более цивилизованно, чем все, что я недавно пережил.

— А чем вы занимались сегодня утром? — спросил Эрдос. Он сидел прямо, его осанка была жесткой, а тон холодным.

— Инвентаризацией. У нас была нехватка северных красных. Местные буйные подкопались к нашим запасам. — Персефона жеманно улыбнулась Эрдосу. Он никак не отреагировал, но на его щеке появился румянец.

— И есть те, кто... — Эрдос сделал паузу. Персефона выстукивала пальцами по столу неразборчивый узор, ее ногти громко щелкали. — Есть ли те, кто может это подтвердить?

— Конечно. Почему бы вам не рассказать мне, в чем дело? — надавила Персефона. Она пыталась перехватить контроль над дискуссией у Эрдоса. Громкие постукивания, уколы, ответы на вопросы вопросами — всё это основные способы противодействия, чтобы выбить допрашиваемого из колеи.

Эрдос нахмурился в ответ. — Я удивлен, что вы еще не знаете. У вас определенная репутация осведомленного лица.

— Пожалуйста, капитан. Давайте не будем притворяться. Вряд ли нужна сеть, чтобы узнать, что дипломатический гость хромает по улицам с окровавленным лицом. Однако я никак не могу понять, какое отношение события сегодняшнего утра имеют ко мне?

Параноя шептала мне. Конечно, Эрдос не был настолько некомпетентен.

— Я хочу сказать, что... — Он снова сделал паузу, глядя, как Персефона слегка царапает дерево стола, оставляя слабые белые следы.

Я наклонился к Ралакосу. — Это ни к чему не приведет.

— Эрдос — профессионал, — сказал Ралакос, — но Персефона опытна. Это не будет быстрым процессом.

Я молча наблюдал за ходом процесса. Эрдос заслуживал чуть большей похвалы, чем я ему давал. Несмотря на то, что Персефона, похоже, в какой-то момент начала его доставать, у него была упорная манера повторять один и тот же вопрос снова и снова.

Но Персефона была высечена из камня. Во время переговоров на руднике она вела себя почти маниакально, едва не толкнув Мифрал в руки Эфиры. Я задумался о том, что было бы, если бы демоны вообще не напали. Как бы закончились переговоры? Кому бы в итоге достался скипетр? Почему Персефона так паниковала тогда, во время переговоров о материальном предмете, по сравнению с тем, что было сейчас, когда она была замешана в покушении на принца.

Если только она на самом деле не впала в панику.

Почему Персефона пыталась убить меня?

Ужасная теория начала формироваться.

Один за другим кусочки вставляли на свои места. Еще не все было собрано воедино, но это был лишь вопрос времени.

Я потребовал, чтобы все покинули нас. Ралакос сначала возражал, но, думаю, по моему языку тела он понял, что меня не переубедить. Даже не пришлось ему угрожать. Его единственным условием было то, что Эрдоса оставили следить за происходящим, на что я согласился, при условии, что он не будет подслушивать.

Ралакос взял меня за руку. Его глаза были печальны. — Вспомните, о чем мы говорили.

Я моргнул, пытаюсь осмыслить сказанное. Сначала подумал, что он имеет в виду разговор, в котором рассказал, что случилось с его сыном, но, конечно, в этой жизни у нас такого разговора не было. Я был бессознательно готов к этому.

— Мы должны стремиться быть лучше тех, кто был до нас, — горячо заявил он. Это была устаревшая мудрость, которую часто повторял Ралакос. Затем он отпустил мою руку и пошел прочь.

Смысл слов Ралакоса был ясен. Он думал, что я собираюсь навредить Персефоне. Но это было не так. Честно говоря, после всего, что со мной произошло, не уверен, было ли во мне подобное желание.

Но то, что я планировал, было гораздо хуже.

Эрдос бросил на меня взгляд. Он уселся рядом словно безмолвная иллюзия, скрестив ноги.

Я вошел в комнату. Персефона вскинула голову, и впервые ее спокойное выражение лица дрогнуло.

— Знаешь, я надеялся завязать с тобой знакомство. Слышал о тебе столько всего хорошего, — я широко улыбнулся ей.

— Они говорили, что вы симпатичный, — покачала головой Персефона. Она снова начала постукивать по столу.

В этом нет необходимости. Стоя, я одной рукой потянул стол за край и откинул его в сторону. Он с гулким стуком упал на пол. Вот и все. Простая смена декораций, чтобы показать, что ситуация изменилась.

— Это та часть, где начинают грубить? Бросаться своим весом. Издеваться над беззащитной женщиной? — Персефона приподняла бровь, но я заметил легкую дрожь страха. — Очень по-человечески с вашей стороны.

— Беззащитная? — спросил я. — Пожалей. И нет. Он мне мешал. — Я подтащил свой стул ближе к ней. — Я здесь, чтобы разрушить барьеры между нашими народами.

— Чтобы вернуть то, что было украдено. — Губы Персефоны слегка приподнялись.

— Ах, прекрасно. Итак, ты слышала. Дело в том, Перси — могу я так тебя называть? Перси? — спросил я.

— Вполне подойдет Персефона. — Ее рот сжался.

— Но ты позволяешь Ширу называть тебя Перси.

На лице мелькнуло выражение удивления.

— Ах, — продолжил я. — Он называл тебя так, когда разговаривал со мной, болтая после того, как мы сняли гейс. Я решил, что это просто связано с дружескими отношениями между вами, но теперь появилось ощущение, что имя было другим. Личным.

— Если это попытка залезть мне под кожу, принц Кэрн, то вам придется постараться, — сказала она. Но она не стала ерзать или постукивать ногой.

— Ммм. Позволь мне показать что нужно, чтобы залезть мне под кожу. — Я вытянул перед собой искаленную руку, пошевелив распухшими пальцами.

Персефона вздрогнула.

— Так, вернемся к теме... упс. Видишь, что получилось? — Я снова пошевелил пальцами, и ее

слегка затошнило. — Я немного расстроен. Не из-за травм, хотя они, конечно, не напрягают. Я расстроен, потому что, несмотря на самые лучшие намерения, всё как-то складывается против меня. Это было бы не так обидно, если бы я не был путешественником во времени.

Ее глаза остекленели, я переместился в правую сторону от нее и щелкнул пальцами. Она подскочила, взгляд сфокусировался на мне.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Что только что...

— Не волнуйся об этом. Путешествие во времени. — Я переместился к ее левому боку. На этот раз ее глаза сфокусировались гораздо быстрее. Она лишь на секунду опустила глаза. Как я и думал, полезность «проклятия» была несколько ограничена. Как только человек насторожился, как это было с Таском во время той давней засады, эффект стал гораздо менее сильным. Но кто-то умный и хорошо разбирающийся в магии заметил бы несоответствия.

Персефона была в панике. Ее спокойствие исчезло. Она знала, что-то происходит, но не понимала что именно.

— Почему ты пыталась убить меня? — спросил я.

— Я не...

— Я уже проживал эту жизнь. — Она замолчала. Я спросил снова. — Почему ты пыталась убить меня?

— Я... я не пыталась, — заикаясь, произнесла Персефона. Она оглядывала стены, изучала заслоны, ограничивающие магию, пытаясь понять, как вообще возможно то, что с ней происходит.

— Ты пыталась поймать меня и в прошлой жизни. Почему ты пыталась убить меня?

Персефона замолчала. Я пытался разговорить ее в течение двадцати минут, играя с ее восприятием времени. В конце концов, простой факт стал очевиден. Она не ломается, как бы ни была дезориентирована. Персефона была слишком умна для этого.

Пришло время злиться.

— Сколько ему сейчас лет? — спросил я.

Она прищурилась. — Кому?

— Твоему мальчику.

Видимой реакции не последовало, но температура в комнате, казалось, упала.

— Он должен быть рядом. — Я продолжил. — Слишком взрослый для святилища. И, просто любопытно, ты уверена, что он не сын Кильвиуса? Или ты просто так сказала, потому что хотела убрать его из поля зрения? Ведь ты отбросила его, как только он перестал быть полезен.

— Вы понятия не имеете, о чем говорите, — прошипела Персефона.

— Может быть, и нет. — Я снова устроилась на своем стуле. — Но у меня есть все время в мире для проб и ошибок, а у тебя, похоже, нет.

Ее рот шевельнулся. Вот оно. Малейшее проявление самодовольства. Малейший проблеск самоудовлетворения от того, как я ошибался. Что у меня, на самом деле, нет всего времени в мире.

Самодовольство расцвело в широкую улыбку. — К сведению, все это — явная фантазия, порожденная отчаявшимся разумом. Но даже если бы это было не так, вы бы действительно сделали что-то подобное? Угрожать ребенку, чтобы добраться до меня? Не могу представить, что Ралакос одобрил бы это.

Я ненавидел себя за то, что сказал дальше. Но у меня было мало времени и вариантов. Поэтому я погрузился в жестокий образ самого себя. Того, кто не мучился из-за этики или морали, правильного или неправильного.

— Мне не нужно никому угрожать, — сказал я. — Все, что нужно сделать, это удержать тебя здесь.

Кровь отхлынула от ее лица.

Она знала.

— А пока я попрошу охрану Гемона поискать твоего сына. Это займет некоторое время, но он верховный советник с большими возможностями. Я расскажу ему какую-нибудь историю о похищении твоего сына и о твоём нежелании говорить о наших неудачных убийствах — да, я буду винить в этом и тебя, не стоило использовать один яд для обоих убийств, пока твой сын не окажется здесь.

— Подождите.

Но я не закончил. — Мы не успокоимся, пока он не будет в целости и сохранности в Анклаве до

конца месяца.

Это не прошло для меня бесследно. Ужас от того, что я сделал. Не имело значения, что я не приставлял меч к шее невинного. Я знал, куда опустится нож, и почти бесхитростно угрожал переместить невинного на его путь.

Что бы подумала моя мать?

Персефона задрожала. Она открыла рот, и на мгновение я испугался, что она может всё рассказать прямо тут. Вместо этого она спросила.

— Что вы хотите знать?

Я наклонился, чтобы прошептать ей на ухо.

Когда я отстранился, выражение ее лица полностью изменилось. Оно было холодным и стoическим. Она кивнула один раз, подтверждая мои подозрения.

Затем Персефона в мучительных подробностях начала рассказывать о том, как Ралакос предал меня.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2507588>